

Николай Владимирович Вехов

«Страна чудес — волшебный Север»

**О ныне практически забытом полярнике
Николае Васильевиче Пинегине (1883–1940)**

В первой трети XX столетия в России сформировалось уникальное сообщество полярников — людей, хотя бы раз побывавших в арктических морях, на бескрайних просторах тундр Русского Севера. Этих людей отличала тяга к неизведанному, бесстрашие и целеустремленность. К ним, безусловно, принадлежал и Николай Васильевич Пинегин, в 1910–1930-х годах ставший заметной фигурой среди отечественных полярных исследователей.

Родился он в Елабуге. Его отец служил разъездным земским ветеринарным врачом. В десять лет у Николая умерла мать, и отец женился во второй раз. Отношения с мачехой не заладились, и 17-летним юношей Николай покинул отчий дом, отправившись учиться — сначала в Вятское реальное училище, а затем в Пермскую гимназию. Из гимназии его исключили за «неповиновение». Жизнь вдали от дома послужила хорошей школой на будущее. Во время учебы Николаю пришлось самому добывать себе средства к существованию: он зарабатывал, играя в духовом оркестре бродячих арти-

*Николай Васильевич Пинегин.
Фотография конца 1920 — начала 1930-х годов*

стов и рисуя портреты на заказ. Успехи в живописи позволили ему в 1901 году поступить в Казанскую художественную школу.

Однако главной мечтой была Арктика. Ею Николай бредил с юношества, о чем говорится в его так же сегодня забытой, как и сам он, автобиографической книжке «Записки полярника»: «Теперь вообразите молоденького студента-художника, вдобавок охотника, влюбленного в дикую природу. Восприятие этой природы создает интереснейшие переживания. Молодой человек успел прочесть несколько книг о путешествиях на

Север и в Арктику. Книги распалили воображение, но совсем не запугали. Фантазия молодого художника увлечена до крайности картинами льдов, сказками о борьбе смелых людей с девственной природой в полуночной стране. Он видит себя в страшном Ледовитом океане на утлом челноке. Он совершает смелые переходы с ружьем и этюдным ящиком по звериным тропам, где не ступала еще нога человека, сидит у костра в одиночестве»¹.

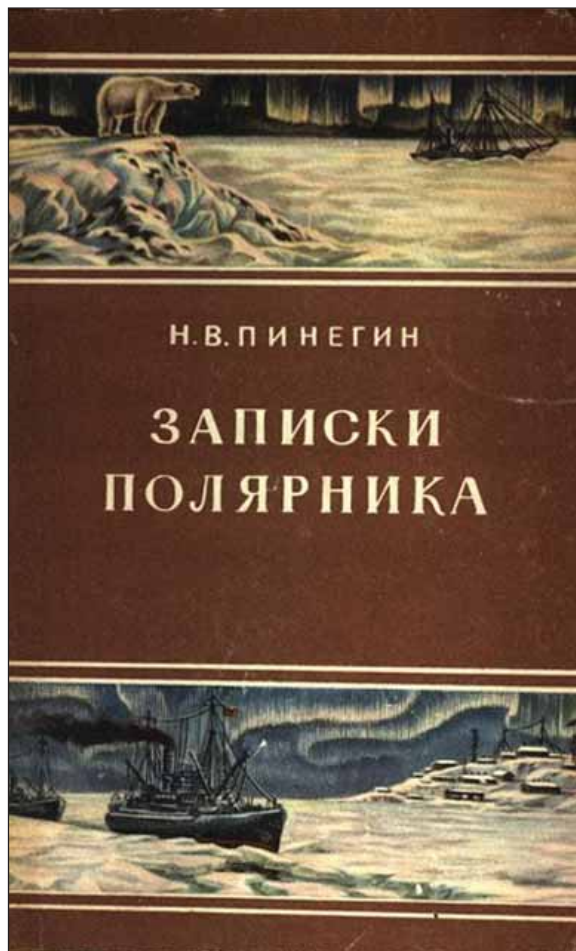
РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

И вот в 1904 году четверо друзей, казанских студентов, — естественник Семенов, топограф Моросин, путеец Качалов и художник Пинегин — собрались провести лето на Севере. Но где? Пересмотрели все карты, какие могли достать. Спорили до хрипоты, отстаивая различные маршруты. «В конце концов сошлись на решении проехать для начала из Казани водным путем на Северную Двину (в Архангельске, что стоит на Северной Двине, у Николая Пинегина жили родственники. — **Н. В.**). <...> С завтрашнего дня начать строжайшую экономию, вплоть до питания одной селедкой, чтобы скопить со скудной стипендии десятка три рублей. В пивнушку — ни-ни! Потом купить побольше красок, пороху, дробы и пуль и — ехать в страну чудес — волшебный Север»². Попробовали обратиться в Императорское Русское географическое общество (ИРГО) с предложением «исследовать состояние забытого Екатерининского канала»³. <...> Просим прислать подробные карты, топографические инструменты и пятьдесят рублей на снаряжение экспедиции». Естественно, ИРГО ответило отказом, сославшись на отсутствие подробной программы экспедиции и «сведений о способностях указываемых вами лиц к производству намеченных исследований».

Тем не менее, вскоре с маленького камского пароходика на пристань за Усольем высадилась «Волжско-Камская экспедиция», как гордо назвали себя юные путешественники. Снаряжение: старая латанная палатка, одолженная у знакомых землемеров в Казани, мешки с сухарями, мукой и крупой, ящик с порохом и дробью, сундучок с чаем и сахаром. Здесь же, на пристани, за три целковых купили у местного рыбака лодку, вытесали мачту, пристроили самодельный парус — и в путь!

«За устьем Колвы, попав сразу в очень редко населенные места, мы были предоставлены собственным силам. Пора мечтаний о приключениях и героических подвигах прошла, настало время будничной простой работы. Ежедневно мы добросовестно тянули в течение двенадцати часов тяжелую груженую лодку, бранясь, лезли в воду стаскивать лодку с бесчисленных мелей, перебрехали по поясу речонки и ручьи и, окруженные тучами комаров и мошки, пытались заниматься съемкой и зарисовками. <...> Вся дичь, на которую мы рассчитывали, попряталась. Мы брели с утра до вечера мокрые до нитки, прозябшие и сумрачные. На остановках разжигали костры, пытаясь сушиться. И мрачно хлебали тюрю из сухарей, заправленную кусочками масла»⁴.

Таким оказалось первое северное путешествие Николая Пинегина. Закончилось оно

ГЛАВНОЙ МЕЧТОЙ БЫЛА АРКТИКА. ЕЮ НИКОЛАЙ БРЕДИЛ С ЮНОШЕСТВА, О ЧЕМ ГОВОРИТСЯ В ЕГО ТАК ЖЕ СЕГОДНЯ ЗАБЫТОЙ, КАК И САМ ОН, АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИЖКЕ «ЗАПИСКИ ПОЛЯРНИКА».

трагично: Пинегин был ранен взрывом патрона в машинке для набивания, а через два дня Моросин погиб от случайного выстрела собственной двустволки. Но все же «крещение Севером» состоялось!

В 1907 году Н. В. Пинегин поступил в Петербургскую Академию художеств. Летом 1909-го он вновь устремляется на Север — в Архангельск, считавшийся тогда «столицей» Русского Севера. Ему было известно, что в городе действует Архангельское Общества изучения Русского Севера (АОИРС) — своеобразная общественная академия, активно привлекавшая энтузиастов к изучению природы и истории этого обширного края. АОИРС с радостью приняло Николая под свое

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

«крыло», организовав для него бесплатный проезд на административном пароходе «Николай»⁵ в Русскую Лапландию. Из Колы пешком в одиночку, на лодках с лопарями и монахами он проплыл по реке Туломе к Нотозеру, побывал на реке Паз, в Трифоновом Печенгском монастыре, на берегах Печенгского залива. Отсюда на попутном пароходе добрался до Айновых островов, лежащих у западного берега Рыбачьего полуострова. Вскоре состоялся и литературный дебют Пинегина⁶. Ниже приводится отрывок из его первого опубликованного очерка.

«В течение лета 1909 года мне пришлось побывать во многих пустынных и необитаемых местах наших берегов Ледовитого океана; удалось быть два раза и на Айновых островах. По курсу парохода <...> видны эти кусочки

земли, подымающиеся невысокими пятнами из пены и чернильных вод моря, но никогда пароход не подойдет к ним, не остановится — незачем: нет на них ни человеческого жилья, ни промысла; только по путеводителю пассажиры могут справиться, что влево остались Айновы острова, где водится редкая птица — тупик, морской попугай. Но меня тянуло на эти островки; про них я много слышал от побывавшего на них одного помора, старого моряка, и от архимандрита Ионафана, настоятеля Печенгского монастыря, которому принадлежат они. <...>

Моя мечта сбылась, и в июне месяце, в один из тех дней, когда южный ветерок заставляет забывать, что находишься под 70° сев. широты, я был на пути из Печенгской губы к островам.

Был день, каких мало бывает в угрюмом Северном крае. Солнце еще с прошлого вечера светило всю ночь, и к полдню лопались почки на корявых березках и уже засеребрились листочки под теплыми лучами. Такова сила непрерывного света, сила полярного солнца! Небо, как бледная бирюза, — а вода отражала в себе бирюзой же голубое небо; море играло, смеялось. Из-за смеющегося моря выглядывают островки — два маленьких пятнышка, лазурно-розовые, плоские; ближе и ближе... раньше казавшиеся вдавленными в лоно океана, они поднимаются предо мною невысокими ровными массами.

Наш курс на низкий «Большой остров» — он уже пред глазами; остров почти ровный — лишь к середине, где стоит крест, он подымается небольшим пригорочком. «Малый остров» остается влево; на восток от нас он немного выше, а к югу обрывается каменистым берегом. На обоих островах нигде ни намека на бухту; потому-то так трудно попасть сюда; лишь в такую тихую погоду, как сегодня, возможно без большого риска пристать к бе-

ПО КУРСУ ПАРОВОДА <...>
ВИДНЫ ЭТИ КУСОЧКИ ЗЕМЛИ,
ПОДЫМАЮЩИЕСЯ НЕВЫСОКИМИ
ПЯТНАМИ ИЗ ПЕНЫ И ЧЕРНИЛЬНЫХ
ВОД МОРЯ, НО НИКОГДА ПАРОВОД
НЕ ПОДОЙДЕТ К НИМ, НЕ ОСТАНОВИТСЯ
— НЕЗАЧЕМ: НЕТ НА НИХ
НИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЖИЛЬЯ,
НИ ПРОМЫСЛА; ТОЛЬКО
ПО ПУТЕВОДИТЕЛЮ ПАССАЖИРЫ МОГУТ
СПРАВИТЬСЯ, ЧТО ВЛЕВО ОСТАЛИСЬ
АЙНОВЫ ОСТРОВА, ГДЕ ВОДИТСЯ РЕДКАЯ
ПТИЦА — ТУПИК, МОРСКОЙ ПОПУГАЙ.

Айновы острова

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

регу, но чуть ветерок разыграется — заходит «взводень гремчий» — разобьет, расплющит о прибрежные камни острова... и потому никто, кроме птицы, постоянно не живет здесь, и нет становища.

На острове стоит хижина, ее построили приезжающие за сбором гагачьего пуха монахи. Они здесь и сейчас; гага сидит на яйцах: «парит», как говорят, и монахи охраняют ее от любителей свежих гагачьих яиц — норвежских промышленников, да и русских тоже.

Три монаха на острове. Они встречают нас. <...> За птичьим криком не слышно, о чем кричат они, махая руками налево. Угадываем, что прямо камни, надо левее, чтоб пристать, а то «разобьет посудину». Скользит нога по тундре. <...> Проходим родничок с пресной водой и направляемся туда, где, обернувшись к востоку, высится крест. Сейчас же с того места, куда не хватает соленая волна, начинается зелень: желтоватый ковер морошки, лишь местами окрашенный пятнами более яркой молодой зелени пробивающейся травки. Легко дышится вольным воздухом, но в голове шум: так бывает, когда нахлынут массы невиданных впечатлений, когда мозг не удерживает всего, что глаза видят, и они разбегаются от пестроты. Первые снопы не ложившегося спать солнышка и море под тысячами теплых золотых лучей, остров «на море-океане», птицы на нем, в воздухе дрожание далекого марева, а на земле пестрит белым по желтому бело-снежный цвет морошки!».

В дополнение к этому очерку Пинегин представил серию этюдов.

Через год появился следующий его очерк — о лопарях, коренных жителей Кольского полуострова:

«Шумят пороги, прыгают бешеные водопады — вся природа словно только пробуждается, словно торопится скинуть с себя последнюю дремоту, и солнце, солнце, не зная покоя, день и ночь светит на эту усердную работу, день и ночь не сходит со светлой дороги, как будто не может оторваться от забытого им зимою края.

Стоят угрюмые леса, тянутся к тучам вараки — горы, рассыпались груды камня, не хотят сравняться скалы с землей, недавно, кажется, выбросившей их в родовых муках...

Стоят горы, раскинулись первобытные леса, леса без краю, без начала... В них звери и люди живут.

Им, впрочем, чаще приходится зябнуть полярной ночью на разбушевавшейся вьюге, мокнуть в разъедающей холодной воде, но они готовы всегда на это — ибо знают от матери своей, что сладок хлеб, добытый трудом своим...

Разве не видят они каждый день, что делает эта глупая рыба — семга, прыгая упорно час за часом, день за днем на отвесную стену водопада, чтобы попасть-добраться до тихой воды, где можно посеять новое поколение?..

Разве не на глазах их олень разбивает себе в кровь копыто, чтоб достать из-под льда маленький кусочек ягеля — утолить этой окровавленной щепоткой мха свой голод; и разве можно не видеть, как полярная березка извивается, прячась за малейший уступ серого камня, чтоб только укрыться от мертвящего студеного полуночника?

Да, живут там люди, питаюсь, чем Бог послал, не гоняясь за многим. Как полярная березка за надежным прикрытием распускается неожиданно прекрасным вычурным кустом, пока снова не прибьет высунувшиеся побеги суровый ветер, так можно найти и у полярных людей цветы фантазии и прекрасного, так же неожиданно, впрочем, гаснущие, как и появившиеся среди мелких обыденных фактов прозаической жизни.

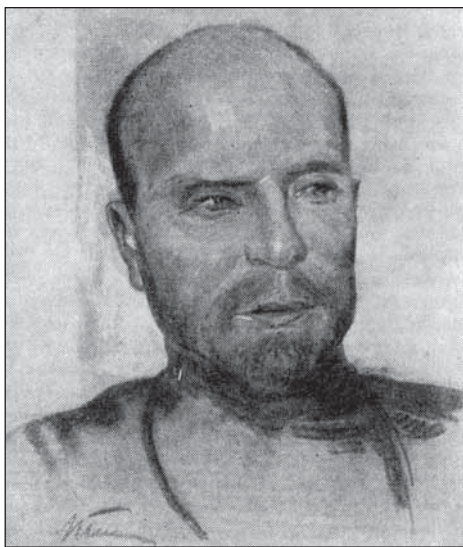
И сколько сказочного и в этой обыденной были... обыденной жизни!»⁷

С 1910 года Николай Пинегин — студент батального класса Академии художеств, занимается под руководством профессора Н. С. Самокиша⁸. Летом того же года, получив гонорар в журнале «Солнце России», он едет на Новую Землю. Первым рейсом Архангельско-Мурманского срочного пароходства Пинегин отплыл на Северный остров Новой Земли. Пароход вез поселенцев нового островного становища Ольгинского, возводимого на южном берегу губы Крестовой, а также экспедицию Главного гидрографического управления под начальством Георгия Яковлевича Седова. Здесь произошло знакомство Н. В. Пинегина с лейтенантом-гидрографом Седовым, которое со временем переросло в тесную дружбу. На Новой Земле они много общались; последнюю неделю в ожидании обратного парохода жили вместе в только что построенном доме нового становища. В беседах с Седовым у Пинегина все более крепла тяга к «полярному безмолвию».

В Крестовой губе Пинегин пробыл с середины июля до конца сентября 1910 года. Отсюда на откомандированном к Новой Земле для защиты русских владений от браконьерничавших в этих высокоширотных водах норвежских зверобоев на военном судне «Бакан» он совершил плавание до северной оконечности архипелага. Написанные Н. В. Пинегиным на Новой Земле этюды он той же осенью представил на выставке студентов Академии художеств в Петербурге.

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

*Н. В. Пинегин. Портрет Г. Я. Седова.
Карандаш. 1912 год. Фотография из архива
Российского государственного музея
Арктики и Антарктики*

В 1912 году Г. Я. Седов, снаряжая ставшую впоследствии знаменитой экспедицию в Арктику с целью достигнуть Северного полюса, пригласил с собой и своего нового друга. Экспедиционное судно Седова «Святой Фока» отправилось из Архангельска 27 августа 1912 года. Но уже в сентябре льды остановили его у берегов Новой Земли. Здесь стали на зимовку. Н. В. Пинегин, чтобы не терять время, занялся изучением основ астрономии и навигации, делал зарисовки окрестностей, участвовал в санных маршрутах экспедиции. Составляя позже карту этой тогда практически не изученной части побережья Новой Земли, Г. Я. Седов решил назвать именем Пинегина один из островов и мыс у входа в залив Иностранцева⁹.

Вторично остановились зимовать 19 сентября 1913 года в бухте острова Гукера (Земля Франца-Иосифа), впоследствии названной Тихая. Топливо было на исходе, началась цинга. 1 января 1914 года Н. В. Пинегин отметил в своих путевых записях, что здоровых на судне осталось всего семеро человек — он сам, метеоролог В. Ю. Визе, геолог М. А. Павлов, капитан Н. П. Сахаров, боцман В. Лебедев, ученик Архангельского мореходного училища А. Пустошный и матрос Г. Линник. Николай Васильевич пытался отговорить Г. Я. Седова от намерения в столь тяжелых условиях продолжать путь к Северному полюсу, предлагая отложить поход на два-три месяца, однако Георгий Яковлевич, выслушав друга, заявил: «Я верю в свою звезду». Как показали дальнейшие события, Пинегин не зря предостерегал Седова: отправившись-таки 1 марта к полюсу с двумя матросами, тот погиб у острова Рудольфа.

Во время плавания Пинегин освоил основы навигации, астрономии, кораблевождения, стал квалифицированным наблюдателем-метеорологом. В обязанности Николая Васильевича входило иллюстративное «сопровождение» экспедиции: он регулярно делал зарисовки, фотографировал и вел киносъемку, войдя в историю арктических путешествий как первый в мире полярный кинооператор.

Вернувшись, Н. В. Пинегин продолжил учебу в Академии художеств. В 1916 году на весенней академической выставке он представил серию из 58 этюдов, сделанных на Новой Земле и Земле Франца-Иосифа. Шла война, поэтому после окончания Академии его мобилизовали и отправили на Черноморский флот. Служил Николай Васильевич в Севастополе флотским художником-историографом. Здесь же, в Крыму, им были написаны несколько пейзажей.

В начале 1917 года, находясь в отпуске в Петрограде, Н. В. Пинегин участвует в выставке Академии с тринадцатью картинами, одна из которых — «Полярный покой» — удостоилась премии имени А. И. Куинджи. В разгар февральской революции его делегировали от Академии художеств в совет рабочих депутатов, а вскоре пригласили заведовать художественной студией в Симферополе.

*Шхуна «Святой великомученик Фока»
во льдах Баренцева моря (иллюстрация из книги:
Пинегин Н. В. В ледяных просторах. Л., 1933)*

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Экспедиция Г. Я. Седова к Северному полюсу 1912 – 1914 годов

*Скала Рубини (Рубини-Рок)
на острове Гукера — место одной из зимовки
экспедиции Г. Я. Седова. Фотография автора.
1997 год*

*Участники экспедиции Г. Я. Седова.
Н. В. Пинегин — стоит третий слева. 1914 год.
(Фотография из архива Российского
государственного музея Арктики и Антарктики)*

*Участники
экспедиции
Г. Я. Седова.
Слева направо:
начальник экспедиции
Г. Я. Седов,
механик И. А. Зандер,
геолог М. А. Павлов,
капитан шхуны
«Святой
великомученик Фока»
Н. П. Захаров,
ветеринарный врач
П. Г. Кушаков,
художник Н. В. Пинегин,
географ В. Ю. Визе.
1912 год. (Фотография
из архива Российского
государственного музея
Арктики и Антарктики)*

*Участники
экспедиции Г. Я. Седова
в кают-компании
шхуны «Святой
великомученик Фока».
В центре — Г. Я. Седов,
справа от него —
метеоролог
В. Ю. Визе
и Н. В. Пинегин
(на первом плане),
на втором плане —
геолог М. А. Павлов.
1912 год.
(Фотография из архива
Российского
государственного музея
Арктики и Антарктики)*

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

В Крыму, еще до взятия его белыми войсками, Н. В. Пинегин познакомился с известным писателем И. С. Соколовым-Микитовым, занесенным сюда вихрями гражданской войны. Встреча состоялась в Севастополе в конце 1919 или начале 1920 года, когда оказавшийся без пристанища и работы Соколов-Микитов зашел в Военно-морской архив и заинтересовался пинегинскими картинами. У этих двух людей было много общего — оба заядлые охотники, путешественники, знатоки природы. Они быстро сдружились; их дружба продолжалась до самой смерти Пинегина¹⁰.

В 1920 году Н. В. Пинегину, который (отметим это на дальнейшее) старался избежать призыва в Белую армию, благодаря имевшимся у него в правительстве барона Врангеля связям удалось получить заграничный паспорт и визу на выезд в Турцию. В Константинополе, где он прожил почти два года, кем только не приходилось ему работать — даже грузчиком. В Турции пути-дороги Пинегина и Соколова-Микитова неожиданно пересеклись. Иван Сергеевич, устроившись матросом на пароход «Дых-Тау», не раз ходил в Константинополь. Во время последнего своего рейса в одном из грузчиков, работавших на пришвартованном рядом с «Дых-Тау» судне, он узнал своего друга, но тогда помочь ему ничем не смог..

Выхлопотав наконец визу на выезд в Европу, Николай Васильевич оказался в Праге. Там он пишет декорации к постановке «Бориса Годунова» в пражском оперном театре. Весной 1922 года перебирается в Берлин. И вновь

— встреча с И. С. Соколовым-Микитовым. Пинегин позже вспоминал: «В Берлине-то ты меня спас <...> умер бы я с голоду, если бы не ты!» В Германии Пинегин познакомился и с А. М. Горьким, посодействовавшим изданию его первой книги, написанной на основе дневников, которые автор вел во время плавания на «Святом Фоке»¹¹. Так состоялся прорыв в большую литературу. С этого времени Николай Васильевич больше известен как писатель и публицист, нежели как художник.

Скитания по загранице завершились в 1923 году. Ранее Пинегин неоднократно подавал просьбы в советское консульство о разрешении вернуться на родину, но всякий раз ему отказывали как возможному участнику белого движения и «идейному» эмигранту. И лишь когда выяснилось, что ни того, ни другого не было (см. выше), позволили выехать в Петроград.

Здесь знания и опыт полярного путешественника Пинегина пришлись как нельзя кстати: страна приступала к ширококомасштабному освоению территорий и акваторий Русского Севера. В первой половине 1920-х годов руководство СССР было озабочено активностью соседей в арктических морях, омывающих Землю Франца-Иосифа, Новую Землю и Землю императора Николая II (так до 1926 года продолжала именоваться Северная Земля), которые советские власти де-факто считали входящими в состав Союза, неосвоенностью трассы Северного морского пути, да и вообще всех окраин вдоль Северного Ледовитого океана. Н. В. Пинегин становится активным пропагандистом отечественного опыта покорения арктических широт, выступая с публицистическими статьями, где, в частности, резко оспаривались претензии Норвегии, Англии, Дании и США на пока «ничейные» земли в Северном Ледовитом океане¹².

Одним из мероприятий нашего государства по освоению огромной арктической области и разграничению де-юре государственных владений в Арктике стало начавшееся в 1923 году строительство на Северном острове Новой Земли в устье пролива Маточкин Шар первой советской крупной радиостанции с целью обеспечения безопасного плавания по трассе будущего Северного морского пути. В 1924 году для завершения работ на радиостанции направили гидрографическую экспедицию, которой также поручалось проведение в этом районе научных исследований. Вместе с ней на архипелаг отправился и Н. В. Пинегин.

Экспедиция имела в своем составе гидроплан Ю-20, управляемый одним из первых отечественных полярных летчиков Б. Г. Чухновским. Борису Григорьевичу предстояло

**В ГЕРМАНИИ ПИНЕГИН
ПОЗНАКОМИЛСЯ И С А. М. ГОРЬКИМ,
ПОСОДЕЙСТВОВАВШИМ ИЗДАНИЮ
ЕГО ПЕРВОЙ КНИГИ, НАПИСАННОЙ
НА ОСНОВЕ ДНЕВНИКОВ, КОТОРЫЕ
АВТОР ВЕЛ ВО ВРЕМЯ ПЛАВАНИЯ
НА «СВЯТОМ ФОКЕ». ТАК СОСТОЯЛСЯ
ПРОРЫВ В БОЛЬШУЮ ЛИТЕРАТУРУ.
С ЭТОГО ВРЕМЕНИ
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
БОЛЬШЕ ИЗВЕСТЕН КАК ПИСАТЕЛЬ
И ПУБЛИЦИСТ, НЕЖЕЛИ
КАК ХУДОЖНИК.**

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

выяснить условия полетов в Арктике, определить особенности базирования морских самолетов, проверить целесообразность применения авиации в гидрографических изысканиях. Вместе с ним девять раз летал Пинегин, в обязанности которого входили аэрофотосъемка и зарисовки очертаний побережья, использованные затем при составлении карты Новой Земли. И в данном случае Николай Васильевич выступал своего рода пионером, осуществив с борта самолета несколько киносъемок: это были первые в истории освоения архипелага кинокадры. Снимать приходилось в экстремальных условиях: открытая кабина, скорость от 170–190 километров в час при температуре воздуха всего от 2 до 4 градусов тепла, болтанка, вес аппарата, который из-за отсутствия системы крепления приходилось держать в руках, — более 25 килограммов¹³.

Непростым делом оказалась и обычное фотографирование с воздуха:

«Самолет то взмывал вверх, то скользил на крыло, то от сильного порыва ветра кренился неприятнейшим образом. Еще неприятнее были моменты, когда самолет зарывался вниз или проваливался в воздушную яму. Захватывало дух. Обыкновенно в полете я не привязывался ремнями ради удобства наблюдения и работы фотоаппаратами. В этот раз пришлось сделать исключение после первого же сильного толчка, и мне показалось на секунду, что я действительно в «воздухе». Ощущение неприятное до крайности.

<...> Аппаратом я располагал самым обыкновенным — камерой с видоискателем и ме-

хами. Снимая что-нибудь с самолета, мне приходилось высовываться из люка почти до пояса, при этом я должен был крепко, в наклонном положении упираться спиной в борт кабины, а ногами в дно. Вот тут-то и почувствовалась быстрота полета. Камера рвалась из рук, она становилась чрезвычайно упрямой, мех ее упорно складывался, как только я переставал защищать его от ветра своим телом. Каждый снимок был для меня настоя-

**БОРИСУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ПРЕДСТОЯЛО
ВЫЯСНИТЬ УСЛОВИЯ ПОЛЕТОВ
В АРКТИКЕ, ОПРЕДЕЛИТЬ ОСОБЕННОСТИ
БАЗИРОВАНИЯ МОРСКИХ САМОЛЕТОВ,
ПРОВЕРИТЬ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ
ПРИМЕНЕНИЯ АВИАЦИИ
В ГИДРОГРАФИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЯХ.
ВМЕСТЕ С НИМ ДЕВЯТЬ РАЗ ЛЕТАЛ
ПИНЕГИН, В ОБЯЗАННОСТИ КОТОРОГО
ВХОДИЛИ АЭРОФОТОСЪЕМКА
И ЗАРИСОВКИ ОЧЕРТАНИЙ ПОБЕРЕЖЬЯ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЗАТЕМ
ПРИ СОСТАВЛЕНИИ КАРТЫ
НОВОЙ ЗЕМЛИ.**

*Самолет Б. Г. Чухновского в Маточкином Шаре
перед взлетом. Фотография В. А. Березкина.
1924 год*

Б. Г. Чухновский

*Фотографии из книги «История открытия
и освоения Северного Морского пути». Л., 1959, т. 3*

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

щим сражением. Если кто-нибудь попытался бы, укрепившись на берегу, сунуть фотоаппарат в стремнину водопада и управлять им, то испытал бы, наверное, [нечто] схожее с моими стараниями навести видеоискатель на нужный предмет. Я был уверен, что ничего путного из съемки не выйдет. Мои фотографические занятия походили на борьбу с невидимым врагом, отнимающим у меня аппарат, но никак не на спокойную и точную работу. К удивлению, почти все снимки после проявления оказались сносными»¹⁴.

Испытанием для Пинегина стали и попытки зарисовок местности:

«В наших разведывательных полетах без инструментов приходилось ограничиваться зарисовками самых крупных изгибов берега и удаленных от него подводных камней и

банок. Но даже при таком ограничении не всегда успеваешь занести все виденное на бумагу. Поминутно приходится отрываться, чтобы осмотреться кругом — не пропустил ли чего-нибудь важного? Наблюдатель над местностью всегда находится в положении человека, пришедшего в универсальный магазин за несколько минут до закрытия. При первом полете все мелочи необходимо опускать, останавливаясь лишь на самом существенном. <...> Едва я успел зарисовать островок, как ветер вырвал у меня из рук карандаш. К слову сказать, я долго не мог привыкнуть к необходимой наблюдателю цепкости рук. Скольких карандашей я лишился во время полетов на открытом гидроплане! Все дело в привычке. Если держать карандаш обычно, как приучен с детства, почти не сжимая пальцев, ветер мгновенно вырывает его из рук. После нескольких таких случаев я научился сжимать карандаш сильнее»¹⁵.

На следующий год Николай Васильевич включился в подготовку к исследованиям оставшейся пока не изученной западной части Северной Земли¹⁶. Главное гидрографическое управление сочло нужным привлечь к этому Академию наук. По ее просьбе план предстоящего мероприятия разработал и представил Н. В. Пинегин.

1926–1929 годы — период его активного участия в не менее грандиозном, чем сооружение радиостанции «Маточкин Шар», проекте — постройке геофизической станции на Новосибирских островах, необходимой для развития мореплавания в восточном секторе Арктики. Отечественного опыта подобного строительства не было, все

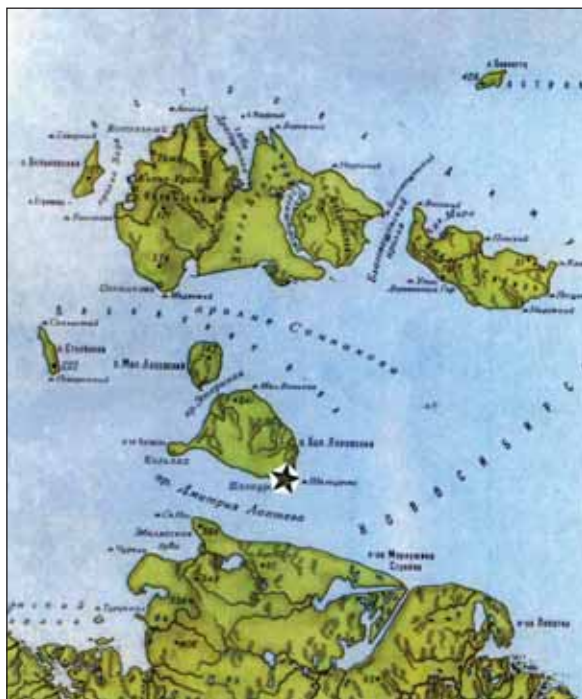
1926–1929 ГОДЫ — ПЕРИОД
АКТИВНОГО УЧАСТИЯ Н. В. ПИНЕГИНА
В НЕ МЕНЕЕ ГРАНДИОЗНОМ,
ЧЕМ СООРУЖЕНИЕ РАДИОСТАНЦИИ
«МАТОЧКИН ШАР», ПРОЕКТЕ —
ПОСТРОЙКЕ ГЕОФИЗИЧЕСКОЙ
СТАНЦИИ НА НОВОСИБИРСКИХ
ОСТРОВАХ, НЕОБХОДИМОЙ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ МОРЕПЛАВАНИЯ
В ВОСТОЧНОМ СЕКТОРЕ АРКТИКИ.

*Здание
геофизической
станции
на о. Большой
Ляховский.
Фотография
Н. В. Пинегина.
Зима 1928 —
1929 года.
Из архива
Российского
государственного
музея Арктики
и Антарктики*

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

*Местоположение геофизической станции
на о. Большой Ляховский
(архипелаг Новосибирские острова)*

приходилось делать впервые. И не случайно именно Николая Васильевича — авторитетнейшего к тому времени полярника — назначили руководителем подготовительных и строительных работ. «Успеху в значительной мере способствовал сделанный Академией наук выбор начальника станции в лице Н. В. Пинегина»¹⁷.

Вся сложность предприятия состояла в том, что прямого пути к архипелагу тогда не существовало. Нужно было сначала добираться до Иркутска, затем по Лене плыть до моря на небольшой шхуне «Полярная Звезда» с баржами, по пути дооснащая экспедицию углем и стройматериалами. Дорога заняла три с лишним месяца.

Станция возводилась в несколько этапов. 16 августа 1927 года на юго-восточном берегу острова Большой Ляховский с барж и шхуны выгрузили доски и уголь. Над складом поставили щит с надписью: «Эти доски привезены сюда для дома, который будет выстроен здесь Академией Наук СССР. Эти доски трогать нельзя»¹⁸. В мае 1928 года Ляховский отряд отправился из Ленинграда уже проторенным путем — через Иркутск и далее на боте «Меркурий Вагин» по Лене и морю Лаптевых. Прибыли на место 1 сентября, а уже на следующий день, завершив разгрузку, приступили к сооружению дома. «Вставали со светом и ложились поздно вечером»¹⁹. Проект дома был специально разработан для зимовщиков архитектором-

художником Б. Г. Данчицем с учетом указаний Н. В. Пинегина, который после завершения строительства до конца 1930 года возглавлял работу коллектива станции, открыв тем самым первую страницу в истории регулярных инструментальных метео- и гидрологических наблюдений в этой части Арктики. Также во время пребывания на острове он совершил два труднейших (при температуре воздуха до -50° и многодневных метелях) похода на собачьих упряжках в расположенное в тысяче с лишним километров на юго-восток село Казачье в устье реки Яны и на парусно-моторной шхуне на остров Котельный. В обоих случаях Николай Васильевич вел съемку местности, составив карты следования и собрав попутно материал для опять же первого в России историко-аналитического обзора промысловой деятельности якутов и русских на острове Котельный²⁰.

**ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПЫТА ПОДОБНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА НЕ БЫЛО,
ВСЕ ПРИХОДИЛОСЬ ДЕЛАТЬ ВПЕРВЫЕ.
И НЕ СЛУЧАЙНО ИМЕННО
НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА —
АВТОРИТЕТНЕЙШЕГО К ТОМУ
ВРЕМЕНИ ПОЛЯРНИКА — НАЗНАЧИЛИ
РУКОВОДИТЕЛЕМ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ
И СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ.
«УСПЕХУ В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЕ
СПОСОБСТВОВАЛ СДЕЛАННЫЙ
АКАДЕМИЕЙ НАУК ВЫБОР НАЧАЛЬНИКА
СТАНЦИИ В ЛИЦЕ Н. В. ПИНЕГИНА».**

На телеграмму Пинегина о начале работы станции Президиум Академии наук СССР и ее Якутская комиссия ответили поздравлением: «Президиум АН И КЯР приветствует Вас и персонал Ляховской станции с крупным достижением, имеющим международное значение. Радио 26 ноября (1928 года. — **Н. В.**) было встречено общим восторгом и уверенностью в дальнейшей благополучной работе на благо науки Союза и процветания Якутии. Искренне желаем благополучия, дружной совмест-

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Графические рисунки Н. В. Пинегина, посвященные экспедиции на Новосибирские острова и строительству геофизической станции на острове Большой Ляховский. 1927 — 1929 годы (из книги: Пинегин Н. В. В стране песцов. Л., 1927)

ной работы. Примите и передайте сотрудникам благодарность Академии за проявленную самоотверженность»²¹.

В конце декабря 1930 года Николай Васильевич возвратился в Ленинград²². Теперь его ждала работа в Арктическом институте, где он занялся созданием музея Арктики (современный Российский государственный музей Арктики и Антарктики). В 1931 году ему поручили и редактирование «Бюллетеня» института.

В том же году Н. В. Пинегин участвовал в экспедиции Государственного акционерного общества «Интурист», организованной к Земле Франца-Иосифа на ледокольном пароходе «Малыгин» для ознакомления иностранных туристов с западной частью советского сектора Арктики. В ходе продлившегося около полутора месяцев плавания ледокол проследовал по местам, связанным с деятельностью на архипелаге иностранных экспедиций (герцога Абриццкого, А. Фиала, Ф. Джексона, Э. Болдуина-Циглера) и посетил несколько географических пунктов на Новой Земле (район радиостанции «Маточкин Шар», несколь-

ко становищ). Туристам устроили обзорные экскурсии, охоту на оленей и восхождение на одну из горных вершин на берегу пролива Маточкин Шар. С берега бухты Теплиц на Земле Франца-Иосифа Н. В. Пинегин забрал в Ленинград для музея Арктики остатки снаряжения экспедиций герцога Абриццкого и А. Фиала, поскольку этим артефактам «при дальнейшем лежании в бухте <...> грозила неминуемая порча»²³.

На следующий год Пинегин возглавил советскую экспедицию на «Малыгине» по тому же маршруту, предпринятую в рамках программы Второго международного полярного года. В ходе этого рейса Николаю Васильевичу удалось побывать на берегу бухты Тихой на острове Гукера, где в составе экспедиции Г. Я. Седова он зимовал.

Казалось бы, жизнь и карьера складываются благополучно. Однако возникшие у Н. В. Пинегина после прихода в Арктический институт трения с руководством и партийной организацией в конце концов возымели достаточно характерные для того времени по-

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

следствия. Из записки сотрудника Ленинградского управления НКВД: «В 1920 г. Пинегин, проживая в Севастополе, при помощи министра земледелия при правительстве Врангеля Кривошеина получил паспорт и визу на выезд за границу. Из Севастополя Пинегин выехал в Константинополь, откуда через год, т. е. в 1921 г., выехал в Прагу. Из Праги в Берлин и в конце 1923 г. легально возвратился в СССР. Пинегин, являясь белым эмигрантом, до конца 1934 г. имел переписку с границей. На основании изложенного полагал бы выслать Пинегина Н. В. из пределов Ленинградской области»²⁴.

В марте 1935 Николая Васильевича отправили в ссылку в Казахстан. За него вступились известные отечественные ученые и деятели культуры — полярник В. Ю. Визе,

писатель К. А. Федин и другие. Их аргументы подействовали: через несколько месяцев дело Пинегина пересмотрели и разрешили ему вернуться в Ленинград. Однако клеймо ссыльного так и осталось на нем. Он не смог более заниматься любимым делом в Арктическом институте, центральные издательства практически перестали его публиковать. Он не роптал, жил тихо, все силы отдавая работе над одним из главных своих произведений — книгой о Г. Я. Седове. Незадолго до смерти автора она увидела свет в Ростовском областном книжном издательстве, а через год вышла в северной столице²⁵. Николай Васильевич Пинегин умер в Ленинграде и был похоронен на Литераторских мостках. Во время блокады погибла большая часть его графики и живописи.

1 Пинегин Н. В. Записки полярника. Архангельск, 1936. С. 6.

2 Там же. С. 6–7.

3 Екатерининский канал длиной около шестнадцати километров соединяет (через Каму, Вычегду и их притоки Южную Кельтму и Северную Кельтму) бассейны Волги и Северной Двины.

4 Пинегин Н. В. Указ. соч. С. 8.

5 Пароход архангельской губернской администрации, выполнявший по заданию АО-ИРС специальные рейсы и перевозку лиц, направляемых Обществом в командировки.

6 Пинегин Н. В. Айновы острова. Из путевых воспоминаний о Севере // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 13. С. 61–74.

7 Он же. Из сказок Лапландского Севера: Листки из записной книжки туриста // Там же. 1910. № 17. С. 27–28.

8 Николай Васильевич Пинегин. 1883–1940. Каталог выставки. Л., 1959. С. 4.

9 Кроме этого, именем Н. В. Пинегина в разные годы были названы ледник в губе Крестовой, а также мыс на о. Брюса и озеро на о. Земля Александры (архипелаг Земля Франца-Иосифа).

10 В 1950-х гг. И. С. Соколов-Микитов стал редактором 2-го издания книги Н. В. Пинегина «Записки полярника» (М., 1952).

11 Пинегин Н. С Седовым к Северному полюсу. Берлин, 1923. В СССР книга вышла под названием «В ледяных просторах» (1-е изд.: Л., 1924).

12 См., напр.: Пинегин Н. В. Северные страны и новая эра // Звезда. 1924. № 6. С. 203–213.

13 Он же. Над Новой Землей (из записной книжки участника Северной гидрографической экспедиции 1924 года) // Летопись Севера. Вып. 2. М., 1957. С. 62.

14 Там же. С. 62–63.

15 Там же. С. 63–68.

16 Северная Земля (первоначальное название этого архипелага - Земля императора Николая II) была открыта в 1913 г. русской экспедицией, организованной Главным гидрографическим управлением Военно-морского флота России на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» под руководством Б. А. Вилькицкого. (Подробнее см.: Вехов Н. В. Земля императора Николая II // Московский журнал. 2001, № 8. С. 13–20).

17 Полярная геофизическая станция на острове Большом Ляховском. Часть 1. Организация и работа станции в 1927–1930 гг. Л., 1932. С. 5.

18 Там же. С. 49.

19 Там же. С. 61.

20 Пинегин Н. В. Материалы для экономического обследования Новосибирских островов // Там же. С. 229–268.

21 Архив РАН. Ф. 47, оп. 1, д. 566, л. 7.

22 Свои впечатления о пребывании на Новосибирских островах Н. В. Пинегин отразил в книге «В стране песцов» (Л., 1932).

23 Визе В. Ю. Рейс ледокола «Малыгин» на Землю Франца-Иосифа в 1931 году // Труды Арктического института. 1933. Т. 6. С. 4.

24 Стуканов А. Полярника — в ссылку // Законность. 2004. № 12. С. 52.

25 Пинегин Н. В. Полярный исследователь Седов. Ростов-на-Дону, 1940. Он же. Георгий Седов. Л., 1941.